

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Артема Александровича Юдахина «Антикатолическая проблематика в творчестве Ф.М. Достоевского: геополитическое, историософское и христологическое измерения», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертационное исследование А.А. Юдахина посвящено проблематике, которая в последнее время стала предметом интенсивной гуманитарной научной рефлексии в литературоведении и достоевистике, как отечественной, так и зарубежной.

Филология, история, искусствоведение, философия, религиоведение и теология – в контексте и на пересечении всех этих научных дисциплин автор осуществляет комплексное междисциплинарное исследование, затрагивающее важнейшую основу мировоззрения Достоевского – сферу его религиозно–философских, историософских и конфессиональных воззрений. Особое звучание в творчестве писателя приобретает антикатолический дискурс, отразившийся как в публицистическом и эпистолярном, так и в художественном творчестве Достоевского. Полемика писателя с католичеством и папством, при более внимательном рассмотрении, оказывается своеобразным ключом к пониманию историософской и религиозной системы взглядов Достоевского, а также замысла его романов, немислимых вне христианской, а значит и конфессиональной проблематики. Анализ антикатолического пласта творчества Достоевского в трех аспектах или, точнее, разрезах – геополитическом, историософском и христологическом, позволяет литературоведению выйти на новый уровень осмысления идейного и художественного наследия писателя. Именно эти задачи поставлены и успешно разрешаются в рецензируемой диссертации, чем обусловлены **актуальность** и научная продуктивность работы.

Обозначенное автором проблемное поле исследования (конфессиональная полемика) нередко становились предметом научного изучения, о чем подробно и точно написано во вступительном разделе диссертации. В то же время опыт целостной и систематической реконструкции антикатолического дискурса Ф.М. Достоевского в российском научном контексте представлен **впервые** именно в кандидатской диссертации А.А. Юдахина – в этом несомненная **новизна** предпринятого исследования.

Новым является и предложенный автором генеральный метод исследования (заимствованный у Ю.Г. Кудрявцева) – «трехкруговой» подход к анализу антикатолической риторики писателя, включающий в себя три измерения: геополитическое, историософское и христологическое. Подобная методологическая транспозиция оказывается оправданной и крайне результативной.

Впрочем, остановимся на **новых** результатах работы подробнее.

Отметим самое важное: автор прослеживает генезис и эволюцию антикатолических воззрений Достоевского в их динамике и преломлении в различных формах и жанрах (эпистолярный, публицистика, художественное творчество), а также определяет и систематизирует комплекс базовых черт антикатолического дискурса Достоевского, релевантных на протяжении всего послекаторжного творчества писателя.

В первой главе работы Артем Александрович на материале эгодокументов и публикаций журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» подробно анализирует геополитическую составляющую «католического вопроса» в творчестве Достоевского. Автор выявляет ту серьезную степень влияния, которую оказали на русского писателя политические кризисы 1860–1870-х гг., прежде всего «римский» и «польский» вопросы, а также карлистская война в Испании начала 1870-х гг. Обширный анализ периодической печати, а также привлечение научных работ, посвященных указанным геополитическим факторам жизни Европы и России второй половины XIX столетия, не только демонстрирует нетривиальные исследовательские способности автора диссертации, но и обеспечивает многоаспектный подход к изучаемому материалу.

Несомненная смелость и новизна исследовательского проекта А.А. Юдахина связана прежде всего с его концепцией, реализованной во второй и третьей главах.

Во второй главе соискатель скрупулезно анализирует историософскую составляющую антикатолической полемики Ф.М. Достоевского, представляя возможные и наиболее вероятные каналы, посредством которых в сознании Достоевского утверждалось резко негативное отношение к католицизму: а) семейная хроника Достоевских; б) историческая литература (Карамзин, Соловьев, Шлоссер и пр.); в) труды авторов–католиков (Ламеннэ, де Местр); г) русская консервативная мысль; д) богословская и духовная литература; е) позиция западников и филокатоликов (Чаадаев, Печерин, Гагарин).

Особый интерес представляет сравнение и типологическое сопоставление антикатолического дискурса писателя с антилатинскими сочинениями русской средневековой книжности, вписывающее

антикатолическую полемику Достоевского в широкий контекст русской литературной традиции («большое время» М.М. Бахтина). Особым научным достижением автора в этой главе я считаю концептуальное развертывание автором содержания такого важного для Достоевского понятия, как «римская идея». Исследование генезиса «римской идеи» в представлении Достоевского восходит, с точки зрения автора, к богословским воззрениям и политике папы Григория VII: «как идея насильственного установления всемирной власти, «римская идея» наиболее полно выразилась в концепции папской средневековой пантократии, одним из важных идеологов которой был папа Григорий VII. Идеи сверхчеловека и всемирного государства насилия в контексте европейского Средневековья генетически восходят именно к теологическим и общественно-политическим воззрениям папы Григория VII» (с. 174). Весьма важным также представляется утверждение, согласно которому два понтифика – папа Григорий VII и Пий IX в творческом сознании Достоевского персонифицируют «римскую идею». Темы папской пантократии и «григорианского папства», постановления I Ватиканского Собора, политика папы Пия IX и его ультрамонтанские воззрения – все эти факторы не только фундировали в мировоззрении Достоевского контрверзу православие/католицизм («русская идея»/«римская идея»), но также вновь и вновь возвращали писателя к мысли о зреющем всемирном клерикальном заговоре и грядущей всеевропейской войне. Выявление мессианских мотивов в историософских воззрениях писателя также представляется релевантным и объясняющим ту радикальность и непримиримость, с которыми Достоевский полемизирует с папством и католицизмом.

Хорошо продуманная структура диссертации отражает ее концептуальную суть. Мы имеем дело с таким типом историко-филологического исследования, говоря о котором нет необходимости подробно останавливаться на содержании глав. Достаточно сказать, что если в первой и второй главах автор анализирует геополитический и историософский пласты антикатолической полемики Ф.М. Достоевского, то в третьей он обращается к наиболее глубинному пласту – христологическому, выстраивающему (и направляющему) всю архитектуру антикатолического дискурса писателя.

Несомненно, сильная сторона диссертационной работы – в том, что в каждой из глав внимание автора направлено на малоисследованные тексты – публикации периодической печати, исторические (Шлоссер, Прескотт) и богословские сочинения (Иванцов–Платонов, инок Парфений). Такой богатый и обширный фактологический материал, сопровождающийся глубоким аналитическим осмыслением, обусловили множество внутренних

перекрестных отсылок и тем самым предопределили внушительный общий объем диссертационного исследования. Все три главы отличаются завидной концептуальной целостностью.

В последней третьей главе рассматриваются визуальное и вербальное (текстуальное) измерения христологического пласта антикатолического дискурса Ф.М. Достоевского. Неподдельный интерес вызвал анализ концептуального содержания (в том числе на уровне подтекста) полотен Гольбейна (роман «Идиот»), Рафаэля (роман «Бесы») и Веласкеса (повесть «Кроткая») в конфессиональном разрезе. Помещенные Достоевским в контекст художественного произведений, эти полотна, как показывает Артем Александрович, корреспондируют с антикатолическим дискурсом писателя (визуализируя тот или иной аспект полемики с католичеством и папством). Внутри важнейшего христологического пласта антикатолической полемики автор исследования выделяет три тематических или сюжетных аспекта: апостасийный, апокалиптический и антрополатрийный. Как отмечает автор: «отречение от Христа, подмена Христа папой-антихристом и сотворение из римского понтифика земного бога – вот три главных фундаментальных тезиса всей антикатолической полемики Достоевского, отразившихся в эгодокументах, публицистике («Дневник писателя») и романистике писателя (романы «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»)» (с. 289).

Чрезвычайно удачным – с точки зрения историко-литературной, теологической и искусствоведческой информативности, а также теоретической значимости анализа – мне показался раздел третьей главы, посвященный сюжету «Сикстинской Мадонны» и предсмертного обращения Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы». Анализ содержания полотна, его иконической/антииконической составляющей в корреляции с человекобожеской (антрополатрийной) потенцией папского католицизма, оригинальное прочтение сюжета покаяния Степана Трофимовича в связке с мариологической темой – все это вызывает неподдельный научный интерес.

Инновационным является анализ полотна Д. Веласкеса «Портрет папы Иннокентия X» в контексте замысла повести «Кроткая». Артем Александрович выявляет внутреннюю коннотацию содержания полотна Веласкеса и образа Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых»: «Портрет, выступающий в пространстве повести в качестве специфической символической детали, визуализирует и, таким образом, обнаруживает целый комплекс скрытых мотивов (обман, власть, страх, сладострастие), управляющих мыслями и поведением Закладчика. Тема духовного деспотизма и человекобожия, заявленная в «Кроткой», с одной стороны, отражает главные тезисы антикатолической риторики Достоевского в «Дневнике писателя», а, с

другой, – становится своеобразным прологом к притче Ивана Карамазова «Великий инквизитор» (с. 291).

Не менее ценен и интересен аналитический разбор вставной притчи Ивана Карамазова о Великом инквизиторе, в итоге которого показано, что притча «аккумулирует главные положения антикатолической полемики Достоевского 1860–1870-х гг. и представляет их в символично–художественной проекции» (с. 292).

Автор диссертации справедливо утверждает, что притча Ивана Карамазова представляет собой *summa summarum* всего антикатолического дискурса Достоевского. Как показывает Артем Александрович, мотив богоподмены, отчетливо звучащий в притче, отсылает читателя к понтификату Пия IX и принятому на I Ватиканском Соборе догмату о папской непогрешимости; квазирелигиозная политическая система инквизитора является, в свою очередь, лишь очередной итерацией, радикально–обмирщенным прочтением модели «григорианского папства» его пантократической идеей. Имя папы Григория VII, фигурирующее в последнем романе Достоевского, также является определенным маркером, требующим, с точки зрения исследователя, пристального внимания.

Весьма интересны и научно перспективны тезисы диссертанта о наличии интертекстуальных и интерконцептуальных связей между сюжетом «Легенды» и научным трудом У. Прескотта «История царствования Филиппа Второго, короля испанского», в частности – о типологическом сходстве духовной и психологической конституции короля Филиппа II (моноидеист, аскет, жестокий фанатик) и Великого инквизитора. В свою очередь, инквизитор выступает антиподом христоликого старца Зосимы, и именно через эту контроверзу Достоевский раскрывает базовые характерные черты двух оппонирующих друг другу систем – православия («русская идея») и папского католицизма («римская идея»): «христократия / иерократия, любовь Христова / воля (власть), духовное преображение / внешнее воздействие, всецерковность / панэтатизм, соборность / авторитет, братство / владычество» (с. 300). Резюмируя содержательный анализ притчи, автор исследования приходит к следующему важному выводу: «критика папизма и католицизма приобретает в композиции и сюжетике поэмы структуро – и смыслообразующее значение» (с. 293).

Подытоживая свои аналитические штудии, Юдахин делает вывод о том, что полемика Достоевского с католицизмом необходимым образом должна рассматриваться не как побочный и второстепенный, но как релевантный и внутренне целостный сюжет в эпистолярной, публицистической и романистической литературе писателя. Реализованная в трех проекциях (геополитической, историософской

и христологической) антикатолическая полемика находит в творчестве писателя как вербальное, так и визуальное отображение. Первичный и фундаментальный христологический пласт полемики, в свою очередь, имеет трехчастную структуру, повлиявшую на систему антикатолической аргументации Достоевского (апостасия, апокалиптика, антрополатрия). Возникнув в начале 1860-х гг., антикатолицизм Достоевского претерпевает эволюцию – углубляется и становится более радикальным и непримиримым. Антикатолический дискурс проходит красной нитью через все творчество Достоевского послекаторжного периода, т.е. 1860-1870-х гг. Показательно, что антикатолические сюжеты и высказывания зафиксированы в романах «Игрок», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», а также в эгодокументах и «Дневнике писателя», т.е. в подавляющем большинстве произведений писателя. Антикатолицизм стал неотъемлемой частью мировоззрения Достоевского, отразившись в его философии истории, геополитических и богословских воззрениях, а также преломившись в художественном творчестве писателя.

Достоверность и высокая степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, обусловлена комплексной методологией, адекватной целям и задачам исследования, широтой охвата материала и глубокой проработкой источников.

Развернутая теоретическая рефлексия работы включает в себя обзор обширного круга отечественных, а также зарубежных исследований (в том числе, и на языке оригиналов), посвященных истории и теории литературы, искусствоведению, всемирной истории, историософии и христианскому богословию. Все это свидетельствует об общегуманитарной эрудиции автора и высоком уровне **методологической** оснащенности работы. **Методологически значимым** является выработанный автором оригинальный и наукоемкий **алгоритм исследования** и его ключевые итоги.

Трудно не согласиться с **основными положениями, выносимыми на защиту** – настолько они емко и точно сформулированы и доказаны всем ходом исследования, а затем **апробированы** в докладах, прочитанных на международных конференциях и в статусных авторских публикациях.

Основное содержание диссертации вполне адекватно **отражает автореферат** и опубликованные статьи.

Основные выводы и материалы работы имеют большое **теоретико-методологическое** и **практическое значение** как для дальнейших теоретических и историко-литературных исследований творчества Достоевского, так и для разработки лекционных курсов по теории и истории

литературы в рамках филологических и культурологических отделений высшей школы.

Не подвергая сомнению правомочность общей концепции и обоснованность конкретных выводов, к которым пришел А.А. Юдахин, выскажу несколько **частных замечаний** или попутных вопросов, спровоцированных интересными наблюдениями и суждениями автора и, возможно, полезных для перспективного развития темы.

Во-первых, в разделе, посвященном анализу биографического материала («католический вопрос» в семейной хронике Достоевских) было бы важно и уместно указать также на опыт непосредственного соприкосновения Достоевского с проблематикой «католического вопроса» в Европе – ведь писатель, как известно, на протяжении практически одного года (1868–1869) жил в Италии, являясь тем самым очевидцем событий «римского вопроса». В частности, Италии как фактору в биографии Достоевского посвящены содержательные статьи С. Алоэ и В. Супино. Иными словами, в изучении биографического аспекта антикатолического дискурса Достоевского наблюдается пусть небольшой и восполнимый, но пробел.

Во-вторых, хотелось бы услышать более пространственный ответ на вопрос, почему личное восприятие «Сикстинской Мадонны» Рафаэля о. Сергием Булгаковым, родившимся в год написания «Бесов», поясняет роль этого образа в романе Достоевского «Бесы»? Не является ли несколько противоречивым доказательство антииконичности полотна Рафаэля через опыт отца Сергия, учитывая, что его обращение (или, точнее, возвращение к вере) произошло в том числе под влиянием образа Мадонны Рафаэля.

И, наконец, *в-третьих*, представляется интересным проанализировать тезисы антикатолической полемики Достоевского в исторической перспективе, т.е. сопоставить обозначенные писателем тенденции внутри католицизма с деятельностью Римско–Католической Церковью в XX столетии (Аджорнаменто, II Ватиканский Собор, экуменизм и пр.) и нынешним курсом Ватикана (миротворчество, евангелизация стран «третьего мира», гуманитарные миссии и пр.). Подобный историко–литературный опыт был бы тем более интересным, что в XX веке в Католической Церкви наблюдаются процессы демократизации, упрощения ритуала и сближения с простым народом.

Общий вывод. Диссертационное исследование Юдахина Артема Александровича является законченной научно–квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи (взаимосвязь мировоззрения и творческой практики Ф.М. Достоевского), актуальной для

достоевистики и имеющей важное значение для филологической науки в целом. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, Юдахин Артем Александрович, заслуживает присуждения ученой степени **кандидата филологических наук** по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук (10.01.01),
профессор, профессор кафедры истории
русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
Креницын Александр Борисович

28 марта 2024 г.

Подпись проф. А.Б. Креницына заверяю:

